

Сорочяну Е.С.

*кандидат филологических наук, доцент,
ст.н.с. Института культурного наследия
АН Молдовы*

Хлеб в погребальной обрядности гагаузов

В представленной статье автор анализирует роль хлеба в похоронно-погребальной обрядности гагаузов – тюркоязычного народа, исповедующего православие. В похоронных обрядах хлеб (зерно, мука) используется в разных актах и выполняет разные функции. Традиционно выпекается большое количество различных обрядовых хлебов, символика которых связана с общей семантикой погребального обряда. Одни виды хлеба символизируют переход из мира жизни в потусторонний мир, другие являются символом *доли* и *продолжения рода*. Зерно символизирует смерть и одновременно рождает новую жизнь (оппозиция «жизнь-смерть»). Хлеб также оберегает живых от смерти, умножая их жизненную силу. Функция хлеба-жертвы – умиловить предков и обеспечить умершую душу пищей на том свете.

Ключевые слова: гагаузы; обрядовый хлеб; погребальный обряд; символика хлеба; обрядовая терминология.

Sorocianu E.S.,

*Candidate of Philology, Senior Researcher of
the Institute of Cultural Heritage of the
Academy of Sciences of Moldova*

Bread in the funeral tradition of Gagauz people

The author analyzes the use of bread in the funeral tradition of Gagauz people (their language is Turkic one, though they confess the Orthodoxy). Gagauz people use bread (as grain or flour also) in different funeral rituals and it serves many functions. They bake a lot of kinds of ritual bread which symbolic is connected with the semantic of funeral rite. Some kinds of ritual bread symbolize the transition to the other world; another are the symbols of destiny and procreation. Grain symbolizes the death and at the same time it gives birth to a new being (the opposition “life - death”). Bread defends alive people from death; it increases their vitality. Sacrificial bread propitiates the ancestors and feeds the soul of the deceased in the other world.

Keywords: Gagauz people; ritual bread; funeral rite; the symbolic of bread; terminology of funeral rituals.

Хлеб – чрезвычайно важная реалья погребальной обрядности. Наряду с родинами и со свадьбой, погребение является переходным обрядом, ритуально закрепляющим перемену статуса человека, перешедшего в загробный мир. И в этом «переходе» так же, как и в родинах или на свадьбе, особое место занимает хлеб.

Зерно, мука, хлеб и блюда из злаковых входят в состав похоронно-поминальных обрядов как отголоски сохранившихся древних обычаев гагаузов. В семантике хлеба угадывается его постоянная связь с загробным миром, его употребление участниками похорон – причащение «плодотворящей смерти». Во всех магических действиях хлеб (жертва) выступает как метафора жизненной силы (*vis vitalis*) [16, с.116- 117].

Хлеб (зерно, мука, печеный хлеб) в погребальном обряде гагаузов используется в разных актах и с разными функциями, имеет различную символику. Так, хлеб в виде зерна у изголовья покойного хоронит смерть и одновременно рождает новую жизнь после смерти (зерно – символ «жизни-смерти»). Хлеб оберегает живых от смерти, увеличивая их жизненную потенцию (всех, кто находится в доме покойника в темное время суток, принято кормить; гробовщики не должны копать могилу натошак; хлеб (булочки, печенье) раздают на кладбище нищим, детям). Хлеб является символом *доли*. В погребении, являющимся обрядом «перехода», происходит перераспределение *доли*. С одной стороны, доля покойного должна быть распределена между оставшимися, с другой стороны, нужно отделить покойнику причитающуюся долю, чтобы он не беспокоил живых. Хлеб выступает как откуп живых, возвращение мертвым их *доли* с целью предохранения живых от их присутствия. В умиловительных актах хлеб выступает в функции жертвы, за которой должно последовать плодородие, зависящее от мира мертвых. Эту функцию можно увидеть в раздачах поминального хлеба, в хлебных приношениях на могилу, в жертвах нищим, старикам.

Первый обрядовый хлеб приносился в жертву душе умершего, он так и называется у гагаузов – *can pitasi* (букв. *хлеб для души*)¹. Это три пресные лепешки (раньше выпекались в золе печи), которые поливаются вином и распределяются между всеми, кто в это время находился в доме покойника². Хлеб раздавали еще горячим, – «чтоб с горячим паром *душе* легче было выйти»³. Кусочек этого хлеба клали в гроб покойнику или в рукав одежды, знак того, что *доли* умершего в доме уже нет. «Хлебом для души» угощали человека,

вошедшего в помещение, где происходило омовение тела умершего, – «так в последний раз исполняли за покойника долг гостеприимства» [12, с. 4]. Передача акта гостеприимства живым означало продолжение установившихся традиций *жизни* после смерти одного из членов семьи, так называемое причащение «плодотворящей смерти». В основе этой практики, по мнению этнографов, лежит страх, что мертвый повлечет за собой на тот свет материальное благополучие семьи [7]. Так, будучи полисемантическим, хлеб синонимичен «душе», «доле», «жизни» [17, с. 61]. Все эти значения у гагаузов отражены в первом обрядовом хлебе *can pitasi*, выпекаемом сразу после смерти человека.

Этот вид хлеба известен и гагаузам Болгарии. В Приморском регионе сразу после смерти пекут *джам питась*, на наш взгляд не совсем точная запись, правильно должно быть *джан питась* ('хлеб для души'). В с. Българево лепешку кладут сверху на покойника, все домашние, отрывая от нее куски, топят их в вине, разбавленном с водой, и едят. В этом же селе в полночь пекут вторую такую лепешку, разламывают на куски и вместе с брынзой едят ее горячей (по народным представлениям, вместе с паром выходит и душа покойника), а в четыре утра всем подают кофе [8, с. 168-169]. В с. Горичане такую лепешку вместе с маслинами, брынзой и кофе раздают женщинам, которые ночью бдят около покойника и следят, чтобы кошка не вошла в комнату и не перескочила через тело (чтобы покойник не превратился в вампира) [8, с. 169].

Во многих гагаузских селах Молдовы в день смерти выпекаются также хлеба, имеющие треугольную форму (схематичное изображение человека) – *kapiti*. В селе Этулия *kapiti* имели форму креста [9, с. 104]. Их количество колебалось от трех до двенадцати: в Этулии и Дезгинжа выпекали по три *kapiti*, в Конгазе – пять-двенадцать, в Баурчах – девять, в Бешалме – семь [12, с. 6; 9, с. 104;13]. По традиции их вешали на поминальное дерево (*dal*). В с. Дезгинджа все три *kapiti* дарили священнику. Появление *kapiti* в форме креста и передача их священнику следует считать более поздним явлением, появившимся под влиянием христианской церкви. По сведениям респондентов, в с. Конгаз выпекали семь калачей треугольной формы, которые раздавали на кладбище [1]. *Kapiti* являются символической жертвой, проявлением акта перераспределения доли между живыми и умершим. Этот вид хлеба заимствован гагаузами у молдаван. Об этом говорит название хлеба. *Kap* на румынском языке означает «голова, душа» [21, с. 205]. Так как обычно выпекали несколько таких хлебов, их название употреблялось в форме множественного числа – *kapete*. В гагаузском варианте термин звучит в

фонетически измененной форме – *kapiti*. Обрядовое значение хлебов *kapiti* совпадает с семантикой и функцией хлебов *can pitasi*, вероятно, это был жертвенный хлеб, который в антропоморфной форме обозначал покойника. Аналогичный обрядовый хлеб известен добруджанским болгарам: в с. Гребенци на похороны выпекали обрядовый хлеб круглой формы – *kan* [4, с. 291].

Хлеб в погребальном обряде символически осуществляет связь между двумя мирами – миром живых и миром мертвых. До сих пор у гагаузов существует обычай, согласно которому в день смерти следует наливать немного воды в корень дерева и первому попавшемуся человеку давать кусок хлеба, символизирующего связь жизни земной с миром мёртвых (подавание вручалось на дороге, т.е. по пути в мир иной).

Связь с загробным миром символически осуществляется и через ритуальное деревце (*dal* – букв. ветка), которое символизирует «мировое древо», соединяющее три части мира по вертикали. Поминальное дерево несет в себе функции посредника между мифологическими мирами – миром мертвых и живых. Гагаузы верят в загробный мир и считают, что душа по лестнице поднимается в небеса. По пути в загробный мир душе покойного придется преодолевать *высокие горы*, им в этом должен помочь лестничный калач – *merdiven kolaci* (обрядовый хлеб, испеченный в виде лесенки), который привязывали к ритуальному деревцу, устанавливаемому у изголовья покойного [9, с. 104].

Использование символического дерева получило распространение в населенных пунктах Комратского и Чадыр-Лунгского районов и не зафиксировано в Вулканештском районе. О нем упоминает в своих работах еще В. Мошков: «В изголовье покойника помещали маленькое фруктовое деревце (*дал*) – яблоня, груша или слива, вырытое с корнем, на которое вешаются бубликами (*коврик*), покупные пряники в виде кольца (*нитичка*), конфеты, яблоки, нитки изюма и полный костюм покойника. Деревце после похорон сажают на могилу. Лакомства с «дала» снимаются и тут же раздаются присутствующим, а платье покойного, висевшее на нем, отдают донашивать бедным сиротам» [12, с. 5, 9-10]. Кроме перечисленных В. А. Мошковым атрибутов, на поминальное дерево вешают обрядовые хлебы *merdiven kolaci* («лесенка»)⁴ и *kapiti*, а также полотенца и носовые платки. Все предметы, которыми обвешено деревце, раздавалось детям и тем, кто нёс ветку, при этом считается, что все, что отдается живым людям, идет только во благо душе покойного.

Этот языческий обычай хорошо сохранился у молдаван. Для церемонии похорон символическое древо жизни (*rom*) молдаване делают из ветки яблони

или сливы с большим количеством веточек, которых очищают от коры добела, и к ним прикрепляют разные фрукты: яблоки, сливы, лимоны, изюм, инжир, хлебные изделия (маленькие калачики, «хулубашь» («голуби» из теста), печенье «лестница»), а наверху орехи (сегодня: конфеты, печенье) [22]. Кроме того, хлеб в форме лестницы молдаване ставили на стол в церкви для священника [19, с. 393]. В молдавских селах обычно делали три таких ветки, их устанавливали у изголовья покойника, а в селе Кишлица-Прут Кагульского района «дерево» ставили на воротах [19, с. 390]. Деревце (ветки) сопровождало траурную процессию на кладбище. Там священник, крестный отец или присутствующие берут по одному плоду, сладости раздают детям, вещи и деньги достаются тем, кто носил ветки (деревце). Надо сказать, что обычай «древа жизни» положительно был воспринят церковью, священнослужители рассматривают его как своего рода *поману* и не запрещают, хотя в православных церковных похоронных канонах он отсутствует [13, с. 143]. В южных районах деревце выкапывают из земли с корнем, а после похорон, где оно было украшено дарами усопшему, деревце высаживают на могилу рядом с крестом. В одних местах ритуальное дерево трясут несколько раз по пути на кладбище или над могилой, в других местах деревцем (навешанными на нее дарами) через могилу дается милостыня [6, с. 76], затем его «сажают» на могилу рядом с крестом или бросают в реку или источник. В отдельных селах после церемонии плодоносящее дерево оставляют в саду того, кто отдает его за *поману*, а его плоды собирает тот, кто получил эту *поману*. Согласно вере молдаван в загробную жизнь, все то, что вешается на деревце и дается за *поману*, будет в распоряжении умершего на том свете [19, с. 392; 22].

Болгары Молдовы, как и гагаузы, оформляют поминальное деревце (*клонче* – букв. *веточка*, срв. у гагаузов – *dal*, букв. *ветка*) и устанавливают его у изголовья рядом с крестом [2, с. 102]. В Болгарии чаще наряжают деревце у гроба молодых – *оруглица* [10, с. 48], по своей семантике и функциональной предназначенности оно соотносится со свадьбой (ср. свадебные *китки* у гагаузов). В случае смерти парня или девушки в гагаузских селах пекли свадебный калач «*kaniska*», который несли впереди похоронной процессии и на кладбище, ломая на куски, раздавали всем участникам похорон. Совершая обрядовые действия со свадебным хлебом, символично разыгрывается свадьба как необходимый этап земной жизни. Верили, что без исполнения полного жизненного цикла нельзя будет продолжить жизнь в загробном мире. Подобные поверья известны и болгарам: человек не сможет жениться, если для него не пекли обрядовый хлеб сразу после рождения, и не сможет умереть, если ему не готовили свадебного хлеба. Во Фракии одному старику, долго мучившемуся в

агонии, испекли свадебный каравай, вспомнив, что не делали этого в свое время, и лишь тогда он умер [3, с. 340; 18, с. 85-86].

Вслед за обрядовой лепешкой родственники умершего готовили кутью (*koliva*) – еду из вареной пшеницы, подслащенную сахаром, которую затем освящали в церкви. *Koliva* является неотъемлемым элементом похоронной и поминальной обрядовой еды, она ассоциируется с зерном, символика которого связывается с кругом перерождения. Кутья как символ «жизни-смерти» присутствует в обрядности у всех народов, населяющих Молдову (у гагаузов – *koliva*, у болгар – *коливо*, *жито*; у молдаван – *coliva*, у украинцев – *коливо*, *пшениця*).

Сопоставленный со смертью, миром умерших, хлеб может быть и противопоставлен ей. Так, поминальный хлеб-жертва выступает как метафора жизненной силы (*vis vitalis*), зерно символизирует жизнь, возникающую после смерти. Зерно, как и хлеб, полисимволично и полифункционально. В погребально-поминальной обрядности гагаузов зерно является символом «жизни-смерти», вечного обновления, надежды на новую благополучную жизнь, единения рода, его продолжения, а также символ жизненного пути – его начала (родины) и конца (смерть).

Зерно, как и хлеб, присутствует в ритуале похорон с первого дня смерти человека. В сенях устанавливают емкость с зерном и мукой, куда приходящие попрощаться с покойным, крестясь, вкушают *коливо*, пьют глоток вина, зажигают свечи и втыкают их в муку или зерно. Этот обычай, в первую очередь, обусловлен воззрениями о материальных формах души и о способности душ умерших влиять на благополучие семьи. Кроме того, возле гроба покойного ставят церковный подсвечник (шандал), в который втыкаются восковые свечи, приносимые теми, кто навещает умершего. Горящие свечи у изголовья покойного и воткнутые в муку, по народным представлениям, должны умиротворить душу покойного и предотвратить ее возможное мстительное или вредоносное влияние на живых. Живущие по соседству с гагаузами болгары в течение года муку с этого зерна добавляли при приготовлении хлеба, а также в корм животным [9, с. 96]. В некоторых гагаузских селах с добавлением этой муки пекли хлеб или лепешки, раздавали их птицам, которых считали материализованными душами умерших [13, с. 123].

На гагаузских похоронах выпекалось большое количество обрядовых хлебов. Их формы, размеры, количество и наименования в разных населенных пунктах различны, но по структуре, семантике и функциям они представляют собой единую систему.

Кроме вышеназванных погребальных хлебов, следует выделить калачи, имеющие своего адресата и так называемые «дорожные калачи». В некоторых селах для священника пекли специальные калачи – *arangil kolacı* (‘калач архангела’). По верованиям гагаузов, архангел Михаил являлся проводником душ на тот свет. В различных селах *калач архангела* имеет разную форму: в Дезгинджа это плетенный калач, в с. Джолтай хлеб имеет форму полукруга с тремя крестами. Это был «священный хлеб», призванный связать участников ритуала с силой Всевышнего. Кроме того, хлеб в форме луны символизирует ее четыре фазы⁶ (идея перерождения), а три креста – символ триединства Бога. Для священника предназначались и крестообразные погребальные хлебы *kapiti* и *kaşti* [11, с. 157]. На наш взгляд, ритуальный хлеб *kaşti* заимствован гагаузами у болгар (сравни у болгар: *кръстатки, крастатки, краштатки, каштати*).

Специальный хлеб выпекался для женщины, которая организовывала приготовление пищи на похоронах и накрывала поминальный стол после погребения, – *aşçıya kolaç, aşçıuka kolacı* (букв. ‘хлеб для поварихи’). Этот хлеб был большим плетеным караваем, хлебной жертвой за душу умершего. Детям на кладбище раздавали маленькие калачики – *mezarlık kolaççı* (букв. ‘кладбищенские калачики’) – Дезг. [9, с. 104], символ возрождения и продолжения жизни. Такую же семантику и символику имели калачи, раздаваемые на кладбище после погребения. Кроме того, хлебные жертвоприношения были связаны с верованием людей в загробную жизнь, верили, что покойного необходимо обеспечить пищей. Во всех этих жертвах проявляется метафора «хлеб-жизнь».

Особое место в похоронном обряде занимают так называемые «дорожные калачи» – *yol kolacı* (У гагаузов Болгарии – *иолджу питась, яолджу питась, йорджу йекме* – [8, с. 169], олицетворяющие жизненный путь покойного (метафора «хлеб-путь»). «Дорожные калачи» вместе со свечкой заворачивались в кусок холста (*yol bezi* – букв. дорожный холст/ *köprü bezi* – букв. мостовой холст/ *ölümniik bez* – букв. похоронный холст), символизирующий последний отрезок пути человеческой жизни, и раздавались по дороге на кладбище. Первые калачи, завернутые в холст, хозяйка дома раздает ближайшим родственникам во время прощания с покойником во дворе дома. Перед гробом стелют несколько холстов (полотенец) – *yol bezi*, кладут на них калачи (*yol kolacı* – букв. дорожные калачи) и проносят гроб над ними. Холсты стелили перед выносом покойника со двора, на перекрестках, около мостов, у входа на кладбище. В том случае, если в селе хоронят одновременно несколько человек, похоронные процессии обмениваются калачами [14, с. 402]. По завершении похорон эти полотенец с калачами достаются тем женщинам, которые их

стелили. В тех местах (на перекрестках), где останавливается процессия, прямо на дорогу кладут калач со свечой, завязанный в узелок (*yol bezi, kырь bezi*), а на землю выливают кружку воды⁷. В Вулканештах на холст (*yol bezi*), который стелился при каждой остановке⁸, бросали монеты, которые после прохождения процессии, собирались детьми. Здесь дорожные калачи (их еще называли *dokuz kolaç* – ‘девять калачей’), складывали в косынку-узелок (или косынку продевали через калачи), несли на кладбище и там раздавали после погребения. Все эти действия направлены на облегчение достижения душой покойного загробного мира и преодоления всевозможных мытарств. По народным представлениям, путь в загробный мир лежит через мосты (их девять, отсюда – девять калачей). Представление о переходе душ в загробный мир по мосту, перекинутому через реку, у гагаузов, по мнению С.С. Курогло, появилось в более позднее время под влиянием соседей молдаван и румын [9, с. 103]⁹. Разбрасывание монет на дорожном холсте в Вулканештах можно рассматривать как плату перевозчику через «реку смерти»¹⁰.

На кладбище одна из женщин, родственниц умершего, угощает всех освещенными в церкви кутьей (*колива*), вином и кусочками калача. В Вулканештах, кроме девяти калачей, которые предназначались для раздачи, пекут один большой плетеный каравай (как свадебный). Этот каравай считается главным хлебом погребально-поминальной обрядности. На кладбище его носит крестница (*кумиюа*), которая последний раз «служит» (*izmet eder*) крестному родителю или членам его семьи. Если у умершего были две кумицы, то другой давали носить *коливу*. И хлеб, и *колива кумицами* раздавались на кладбище не только как символ «смерти-жизни», как перерождение жизни, но и как утверждение и продолжение родственных отношений между крестными и крестниками (подчеркивается значимость крестного родства у гагаузов).

После погребения для души умершего на могиле оставляют стакан вина и кусок хлеба, который отделяют от калача, которым угощали участников погребения: доля живых отдавалась живым, доля покойного осталась для него на могиле. Один из родственников умершего остается на кладбище до тех пор, пока не будет насыпан могильный холм, после чего он угощает копальщиков ритуальной кутьей (*коливо*), вином и обрядовым хлебом.

После погребения устраивается поминальная трапеза. И здесь среди поминальных обрядовых кушаний (мясо, фасоль, пшеничная каша (*bulgur*), картофель, капуста, голубцы) главная роль принадлежит хлебу (*eleştirmä kolaç/üleştirmä kolaç*) и кутье (*koliva*). До трапезы, все присутствующие получают по калачу, свечке, иногда к ним прикладывают еще и спички. Получив такую *поману*, люди зажигают свечу, целуют хлеб и садятся за трапезу. Перед

тем, как выпить вина и вкусить пищу, гагаузы произносят: «Öbür dünnäada da önündä olsun» ('Пусть и на том свете все это у него будет – букв. пусть на том свете будет перед ним'). За поминальным столом, особенно в день похорон долго сидеть не принято. При большом количестве участников похорон за стол не удастся сесть всем одновременно, поэтому поминальный обед совершается в два-три захода. Здесь важно накормить людей, т.к., по народным представлениям, поминальный обед является обрядовым кормлением мертвых, с одной стороны, чтоб умиловать покойного, чтоб он не навредил живым, а с другой стороны, верят, что вся эта еда будет у покойника в загробном мире. В давние времена обрядовое кормление покойника совершалось в первый день смерти. По рассказам В. А. Мошкова, когда гроб для покойника был готов, его приносили в дом умершего, ставили посреди комнаты, накрывали крышкой и обедали на нем, после чего клали в него покойника¹¹ [12, с. 4]. Сейчас этот обряд не совершается, но до сих пор во многих местах на девять дней принято устанавливать свечу, стакан воды и кусок хлеба на том месте, где умер человек¹². Сегодня на крестах и на могильных плитах оставляют еду (сладкий хлеб: печенье, булочки, - и конфеты), вино и воду для душ умерших.

Анализ этнографического материала показывает, что в похоронно-погребальной обрядности гагаузов, как и у других народов, существуют две главные темы – тема *пути* и тема *доли*. Обе эти темы в гагаузской традиции находят символическое выражение в обрядовых действиях с хлебом. Одни виды хлеба символизируют переход из мира жизни в потусторонний мир, другие являются символом *доли* и *продолжения рода*. Хлеб хоронит смерть и одновременно рождает новую жизнь (символ «жизни-смерти»), он оберегает живых от смерти, увеличивая их жизненную потенцию. Хлеб приносится в жертву, чтобы умиловать предков, призвать их в этот момент быть вместе со своим родом и помочь душе умирающего покинуть мир живых, а также обеспечить умершую душу хлебом на том свете.

Примечания

1. У болгар этот хлеб пекут домашние сразу после наступления смерти, едят его при покойнике, и называется он *пътнина* (от слова път 'путь, дорога' – Е.С.), т.к. по народным верованиям, после ее преломления душа покойника находится на пути в иной мир [5, с. 198]. У бессарабских болгар (с. Кортен) лепешку, выпекаемую сразу после смерти, называли гагаузской лексемой *пазлама* (гаг. *лепешка*) или словосочетанием на болгарском – *пита за душа*, гагаузы же, в свою очередь, используют болгарскую лексему *пита* (can pitasi) – пример взаимовлияния не только обрядности, но и ее терминологии.

2. Вино и хлеб – символы вечной жизни. В Энциклопедии символики и геральдики даны следующие символические значения вина и хлеба: вино – это божественный экстаз, а хлеб – очевидное проявление того, что дух умирает и восстает вновь [20].
3. Срв. у болгар хлеб месят еще до кончины, в ногах умирающего, чтоб с горячим паром "душа вышла" или, наоборот, до 40-го дня не месят хлеб, т.к. верят: как расширяется тесто, так распирает душу умершего. [3, с. 491, 497].
4. Поминальные хлебные изделия, испеченные в форме лестницы в 3 или 24 ступени (*лесенки, лестницы, лестнички*), по которым "душа восходит на небо", известны в некоторых регионах России [16, с. 54, 270; 17, с. 61].
5. Потебня А. А. выводит мифологическое значение поминальной кутьи из соединения в ней двух элементов: «вода»+«зерно», с чем не соглашается О.А. Седакова, утверждающая, что кутья в погребальном и поминальном обряде выступает как неделимая символическая единица [16, с. 112].
6. Ритуальные лепешки, помеченные крестом, символизируют округлость луны и её четыре фазы [20].
7. В молдавском селе Бравичены Оргеевского района мы наблюдали следующую картину: в тех местах, где останавливается процессия, оставляют у дороги на полотенце калач и стакан воды, которые подбираются прохожими, наблюдавшими за похоронной процессией [1].
8. Гагаузы Болгарии этот холст называют пътник, производное от корня път (путь), его стелют на землю по дороге на кладбище на трех перекрестках и проносят над ним гроб [8, 171].
9. В научной литературе молдавский обычай «подуриле» принято считать греко-римским по происхождению. В. С. Зеленчук указывает границы распространения обычая выстилания «мостов», по которым, согласно молдавским верованиям, душа возносилась на небо, это пограничные районы Румынии и Молдавии [6, с. 71-74], что является подтверждением тезиса о возможности заимствования данного обычая гагаузами у молдаван.
10. Представления греков и римлян о том, что дух умершего должен быть доставлен на тот свет через «реку смерти» на лодке и с помощью перевозчика, были распространены среди многих народов (включительно и среди народов Балкано-Дунайского ареала).
11. Срв. у Витебских белорусов возница (который повезет гроб на кладбище) обыкновенно обедает при гробе и кушанья ставятся ему на гроб, который в этом случае заменяет стол [12, с. 16].

12. Срв. славяне хлеб клали на то место, где до этого лежал покойник, чтобы хлеб победил смерть и умерший не унес с собой плодородия [20].

Список литературы

1. Архив автора (полевые записи в г. Вулканешты, Молдова, 2016).
2. Банкова Е. С. Погребальные обычаи у болгар и гагаузов Молдовы: общее и особенное. В: Ежегодник Института межэтнических исследований. Т. III. Кишинев, 2002, с. 100-104.
3. Вакарелски Хр. Бит и език на тракийските и малоазийските българи. Ч. 1. Бит. В: Тракийски сборник. Кн. 5. София: БАН, 1935. 347 с.
4. Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София: БАН, 1974. 498 с.
5. Етнография на България. Т. III. Духовна култура. София: БАН, 1985. 388 с.
6. Зеленчук В. С. Очерки молдавской народной обрядности (XIX – начала XX вв.). Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1959. 97 с.
7. Иванова Р., Живков Т. Българските обреди / [Электронный ресурс] URL: <http://rodna-vjara.narod.ru/chetivo/bg-obredi.htm> (дата обращения – 19. 02. 2017).
8. Кръстева-Благоева Е. Семейни обичаи. В: Гагаузите в България. Записки от терена. София: Етнографски институт с музей при БАН, 2007, с. 122-180.
9. Курогло С. С. Семейная обрядность гагаузов в XIX – начале XX века. Кишинев: Штиинца, 1980. 138 с.
10. Маринов Д. Народна вяра и религиозни народни обичаи. Сборник за народни умотворения и народопис. София: БАН, 1914. 574 с.
11. Маруневич М. В. Материальная культура гагаузов конца XIX – начала XX в. Кишинев: Штиинца, 1988. 191 с.
12. Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. В: Этнографическое обозрение, 1902, № 3, с. 2-38.
13. Никогло Д. Е. Система питания гагаузов в XIX – начале XX века. Кишинев: Tipogr. Elena-V. I., 2004. 211 с.
14. Никогло Д. Е., Степанов В. П. Похоронно-поминальная обрядность. В: Гагаузы. Отв. ред. М. Н. Губогло. Серия «Народы и культуры». Москва: Наука, 2011, с. 393-412.
15. Полевые записи из архива Никогло Д. Е.

16. Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. Москва: Индрик, 2004. 320 с.
17. Седакова О. А. Тема "доли" в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал). В: Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. Москва: Наука, 1990, с. 54-63.
18. Узенева Е. С. Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. Москва: Индрик, 2010. 280 с.
19. Чобану-Цуркану В. Похоронно-поминальная обрядность. В: Молдаване. Москва: Наука, 2010, с. 389-495.
20. Энциклопедия символики и геральдики: http://www.symbolarium.ru/index.php?title=%D0%A5%D0%BB%D0%B5%D0%B1&mobileaction=toggle_view_mobile (дата обращения – 15. 02. 2017).
21. Dicționar român-rus. Chieinru: Gunivas-Arc, 2004. 1504 p.
22. <http://moldovenii.md/ru/section/789> (дата обращения – 17. 02. 2017).

References

1. Arhiv avtora (polevye zapisi v g. Vulkaneshty, Moldova, 2016).
2. Bankova E. S. Pogrebal'nye obychai u bolgar i gagauzov Moldovy: obshchee i osobennoe. V: Ezhegodnik Instituta mezhetnicheskikh issledovanij. T. III. Kishinev, 2002, s. 100-104.
3. Vakarelski Hr. Bit i ezik na trakijските i maloazijskite balgari. P. 1. Bit. V: Trakijски sbornik. Kn. 5. Sofiya: Izdatelstvo BAN, 1935, 347 s.
4. Dobrudzha. Etnografski, folklorni i ezikovi prouchvaniya. Sofiya: BAN, 1974, 498 s.
5. Etnografiya na Balgariya. T. III. Duhovna kultura. Sofiya: BAN, 1985, 388 s.
6. Zelenchuk V. S. Ocherki moldavskoj narodnoj obryadnosti (XIX – nachala XX vv.). Kishinev: Cartea moldoveneasca, 1957, 97 s.
7. Ivanova R., Jivkov T. Balgarskite obredi. <http://rodna-vjara.narod.ru/chetivo/bg-obredi.htm> (accessed February 19, 2017).
8. Krasteva-Blagoeva E. Semejni obichai. V: Gagauzite v Balgariya. Zapiski ot terena. Sofiya: Etnografski institut s muzej pri BAN, 2007, s. 122-180.
9. Kuroglo S. S. Semejnaya obryadnost' gagauzov v XIX – nachale XX veka. Kishinev: Shtiintsa, 1980, 138 s.
10. Marinov D. Narodna vyara i religiozni narodni obichai. Sbornik za narodni umotvoreniya i narodopis. Sofiya: BAN, 1914, 574 s.
11. Marunevich M. V. Material'naya kul'tura gagauzov kontsa XIX – nachala XX v. Kishinev: Shtiintsa, 1988, 191 s.

12. Moshkov V. A. Gagauzy Benderskogo uezda. V: Etnograficheskoe obozrenie. Moskva: Tipo-litografiya A. V. Vasil'eva i Co, 1902, № 3, s. 28-38.
13. Nicoglo D. E. Sistema pitaniya gagauzov v XIX – nachale XX veka. Kishinev: Tipogr. Elena-V. I., 2004, 211 s.
14. Nicoglo D. E. Stepanov V. P. Pohoronno-pominal'naya obryadnost'. V: Gagauzy. Otv. red. M. N. Guboglo. Seriya „Narody i kul'tury”. Moskva: Nauka, 2011, s. 393-412.
15. Polevye zapisi iz arhiva Nicoglo D. E.
16. Sedakova O. A. Poetika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochnyh i yuzhnyh slavyan. Moskva: Indrik, 2004, 320 s.
17. Sedakova O. A. Tema «doli» v pogrebal'nom obryade (vostochno- i yuzhnoslavyanskij material). V: Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoj duhovnoj kul'tury. Pogrebal'nyj obryad. Moskva: Nauka, 1990, s. 54-63.
18. Uzeneva E. S. Bolgarskaya svad'ba: etnolingvisticskoe issledovanie. Moskva: Indrik, 2010, 280 s.
19. Chobanu-Tsurcanu V. Pohoronno-pominal'naya obryadnost'. V: Moldavane. Moskva: Nauka, 2010, s. 389-495.
20. Entsiklopediya simvoliki i geral'diki: http://www.symbolarium.ru/index.php?title=%D0%A5%D0%BB%D0%B5%D0%B1&mobileaction=toggle_view_mobile (accessed February 15, 2017).
21. Dicționar român-rus. Chișinău: Gunivas-Arc, 2004. 1504 p.
22. <http://moldovenii.md/ru/section/789> (accessed February 17, 2017).